

УДК 101.1:316

Рыбаков В.В.

Санкт-Петербургский государственный университет

СМЫСЛ И ПРИСУТСТВИЕ

V. Rybakov

The State university of St.-Petersburg

SENSE AND PRESENCE

Аннотация. В статье актуальная проблема реальности смысла в рамках коммуникативной сферы общества рассматривается в аспектах поиска экстраинтерпретативных компонентов смысла и проведения различия между смыслом и значением. Структуралистскому и семиотическому дискурсу, подменяющему смысл значением и сводящему всю философскую работу к задаче интерпретации, автор противопоставляет восходящее к М. Хайдеггеру определение смысла через категорию «присутствие». Анализируя идеи Хайдеггера и Х.У. Гумбрехта, автор в противоположность постмодернистской философии иллюзорности объективной реальности возвращает смысл субъекту и его бытию-в-мире как единству телесного и сознательного, эмоционального и рационального.

Ключевые слова: социальная философия, смысл, коммуникация, значение, интерпретация, присутствие.

Abstract. The article deals with the topical problem of sense reality within communicative sphere of society in the aspects of revealing the extrainterpretative components of sense and making distinction between sense and meaning. The definition of sense through the category of presence going back to Heidegger's philosophy is opposed to structuralist and semiotic discourses that substitute sense for meaning and reduce philosophical work to the process of interpretation. By contrast with the postmodern philosophy of illusiveness of the objective reality and absence of the representation the author returns sense to the subject and its being-in-the-world as the unity of corporal and conscious, emotional and rational while analyzing M. Heidegger's and H.U. Gumbrecht's ideas.

Key words: social philosophy, sense, communication, meaning, presence, interpretation, sublime.

Если окинуть взглядом путь, который за последнее столетие прошла социальная философия в целом, мы обнаружим всё возрастающий интерес к исследованию проблемы смысла. Данное понятие всё больше используется в контексте социально-философской проблематики (достаточно назвать таких исследователей, как Карл-Отто Апель, Жан Бодрийяр, Альфред Шюц, Никлас Луман и др.). Такое положение вещей стало возможным благодаря широкомасштабному и влиятельному проекту феноменологии Эдмунда Гуссерля, который реформировал трансцендентализм Канта, введя понятие смысла и провозгласив, что «между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла» [3, 11]. Фактически это означало, что мир не дан нам непосредственно, но лишь сквозь призму смыслов. Если с точки зрения Гегеля понятия являются не только специфической чертой мышления познающего субъекта и его инструментом, но и реально несущими конструкциями мира, что и обуславливает возможность истинного познания, то у Гуссерля всё принципиально меняется: в самом мире смыслов нет.

При этом возникают два существенных следствия. С одной стороны, субъекту даётся соблазнительная власть над реальностью: он может изменять её, меняя смыслы. Ведь мы не постигаем смыслы, а продуцируем их. Трансформируя смыслы, мы трансформируем реальность; создавая новые смыслы, мы создаём новую реальность. С другой стороны, становится проблематичным какое-либо соотнесение наших субъективных моделей с реальностью самой по себе, ибо последняя оказалась заключена в смыслы, как в скафандр.

Последнее обстоятельство лишь усугублялось в дальнейшем в ходе развития представ-

лений о смысле, продолженном лингвистическим и прагматическим направлениями в философии XX в., а также герменевтикой. Смысл оказывался поставленным в зависимость от дискурсивных практик и языковых игр. На авансцену было выведено новое представление о языке. Если в старом, восходящем к Аристотелю, представлении язык в своей конвенциональной функции обозначения был в принципе подвластен человеку, то теперь язык оказался наделён трансцендентальным статусом, осмыслен как самостоятельно работающая структура, имеющая все для того, чтобы без воли человека генерировать значения и новые смыслы.

В философской герменевтике Ганса-Георга Гадамера люди не столько говорят на языке, сколько язык-игра вовлекает человеческих индивидов в свою стихию, так что лучшее в этой ситуации – отдаться ей на волю, следовать её правилам: «отношение играющего не следует понимать как отношение субъективности, поскольку, скорее, играет сама игра, втягивая в себя игроков и таким образом делаясь собственным *subjectum* игрового движения» [1, 565]. Гадамер заявляет, что язык даёт человеку свободу от окружающего мира, возвышая человека и выводя его из погруженности в природу. Однако язык порождает вместе с тем новый, человеческий мир, который всегда *пред-истолкован* и дан в лингвистической обработке, так что доступ к реальности, какая она есть сама по себе, оказывается заблокированным.

В постмодернизме гипотетическая объективная реальность, подобно древним океанам, «схлопнулась» и... исчезла, оказавшись замененной реальностью смыслов и значений. Постулат «все есть текст» предоставляет неограниченные возможности для интерпретаций и порождения новых смыслов. Ярким выразителем постмодернистского мировоззрения является Жан Бодрийяр, предлагающий «скромный отказ от иллюзии реальности» и заявляющий, что задача философа теперь — в укоренении в реальности значения и языка, не отягчённого идеалом истины. Мышление «радикально настолько, насколько

ко оно не ищет для себя доказательств и не стремится «сбыться» в реальности» [6, 56].

Отказ от гипотезы реальности означает и отказ от представления о существовании репрезентации, т. е. знаков, указывающих на что-то, отсылающих к чему-то в «самом мире», и постижении последнего. Исчезновение знака – одна из основных тем другого представителя постмодернизма, Жака Деррида, который писал: «Означающее здесь всегда уже функционирует как означающее. Вторичность, которую всегда считали признаком письма, на самом деле относится ко всякому означаемому как таковому – причём это происходит «всегда-уже» (*toujours déjà*), с самого начала игры... В конечном счёте всё это означает разрушение понятия «знака» и всей его логики» [5, 120].

Однако если само понятие знака и устаревает вследствие исчезновения «объективной реальности», которая, с точки зрения радикальных представителей постмодернизма, всегда была некой иллюзией, то всё же сохраняется та реальность, в которой мы живём. Но этот плоский мир без репрезентации и означаемого есть чистый «мир значения», в котором сами значения вступают в отношения не с чем-то объективным, а друг с другом. В этом мире понятие смысла и понятие значения сливаются воедино, так что оба они взаимозаменяют друг друга и используются как синонимы. Фактически торжество «уровня значения» – вот та черта, к которой нас подвела в своих радикальных воплощениях философия постмодернизма, но одновременно это есть и тот край, на котором философия в целом как бы застыла в нерешительности: принять ли безоговорочно транспрезентативную гиперреальность, развиваясь и впредь на постулатах постмодернизма, или сделать шаг в сторону.

В настоящей статье представлен тот путь, по которому, на наш взгляд, можно было бы пойти в сложившейся ситуации. Одна из целей нашего исследования состоит в том, чтобы вновь провести различие между смыслом и значением, обнаружив экстраинтерпретативные компоненты смысла. Наше предполо-

жение состоит в том, что в какой-то степени смысл не только не является близким или синонимичным значению, но и противостоит ему, ибо его рождение предполагает разрыв в цепочке значений.

В качестве отправной точки рассуждений выберем анализ понимания смысла у Хайдеггера, творчески развившего феноменологию Гуссерля, а также идеи современного философа Х.У. Гумбрехта, на которого Хайдеггер оказал весьма существенное влияние.

В своей фундаментальной работе «Бытие и время» Хайдеггер предлагает взглянуть на человека, освободившись от расхожих и традиционных представлений о нём. Одна из важнейших процедур философии Гуссерля, феноменологическая редукция, предполагающая лишение какого-либо феномена всех связанных с ним значений и коннотаций, отвлечение от них, фактически проводится у Хайдеггера в отношении человека. Наши представления о самих себе, по большей мере, есть расхожие и усредненные представления, заучиваемые в процессе социализации, а также те частичные представления о человеке, которые взяты с поверхности различных наук – биологии, социологии, истории и др. Мы думаем о себе как о прямоходящем «двуногом без перьев», «политическом» животном, как о существе с наиболее развитым интеллектом и наибольшей массой головного мозга и т. д. В противовес всем этим представлениям Хайдеггер настаивает на необходимости выявления *«того»* априори, которое должно проявиться, чтобы стал возможен философский разбор вопроса «что такое человек» [9, 45]. «Экзистенциальная аналитика присутствия лежит во всякой психологии, антропологии и уж подавно биологии» [9, 45].

Отправная точка размышлений Хайдеггера о человеке состоит в том, что рассматривать человека нужно принципиально иначе, чем мы рассматриваем предметы вроде стола или камня. По отношению к человеку Хайдеггером используется понятие «Dasein», содержащее в качестве корня слово «бытие» и переводимое В. Бибихиным как «присутс-

твие». «Сущность» присутствия *«лежит в его экзистенции»* [9, 42]. «Выделяемые в этом существе черты поэтому суть не наличные «свойства» некоего так-то и так-то «выглядящего» наличного сущего, но всякий раз возможные для него способы быть и только это» [9, 42]. Таким образом, определение человека через бытие тут же ведёт к необходимости признания в качестве фундаментальной категории разговора о человеке такого понятия, как возможность: «присутствие есть по сути всегда своя возможность» [9, 42].

Таким образом, Хайдеггер обозначает примат измерения возможного над измерением действительного. Определяя Dasein антисубстанциально, он исключает из его состава какую-либо наличность, в том числе реализовавшиеся возможности: «Dasein по способу своего бытия есть «набросок», проект самого себя. Как только возможность реализуется, она превращается в наличное сущее и «выпадает» из Dasein как экзистирующего, буквально выпадает, как «осадок» из раствора» [8, 79].

Через фундаментальную категорию *возможного* определяет Хайдеггер и *смысл*. Последний неразрывно связан с феноменом понимания: он есть его артикуляция; *понимание* же, по мысли Хайдеггера, вернее всего определить как *умение быть*: «в понимании экзистенциально лежит бытийный способ присутствия как умения быть» [9, 143]. В конечном счете Хайдеггер приходит к чрезвычайно значимому выводу: «Смысл «имеет» лишь присутствие, насколько разомкнутость бытия-в-мире «заполнима» открываемым в ней сущим. *Лишь присутствие может поэтому быть осмысленно или бессмысленно*» [9, 151]. Как замечает Е.В. Фалев, «получается, что смысл для Dasein – это возможность быть чем-то, очевидно – чем-то иным, чем то, что оно уже есть, иначе это уже не возможность, а действительность. То есть смысл – это возможность стать иным» [8, 80].

Второй существенный для нашего исследования момент аналитики Dasein состоит в преодолении целого ряда дихотомий, в рамках которых до Хайдеггера в той или иной

степени развивались представления о человеке.

Так, теряет своё величие дихотомия «рациональное – эмоциональное». Перечисляя экзистенциалы, Хайдеггер называет расположение, понимание, смысл и наряду с ними – страх, ужас, заботу. В бытии человека они играют одинаково важную роль, и все восходят к выбору возможности быть, к экзистированию. Таким образом, дихотомия «рациональное – эмоциональное» снимается анализом экзистенциалов.

Также снимается и дихотомия «сознание – тело», поскольку они настолько сильно интерферируют, что их становится почти невозможно разделить. При этом справедливость данного утверждения распространяется не только на самого человека, но и на мир. Таким образом, мы подходим к важному выводу о том, что *смысл как возможность бытия* предполагает *материю и вещественность*, смысл не есть некое идеальное понятие, находящееся в голове или «третьем мире» К. Поппера. Осмысленно, в конечном счёте, само присутствие, и исходя из этого, мы можем сказать, что смысл в неразличимой и равной степени идеален и материален, представление о нём должно включать в себя и вещество мира, и тело субъекта как бытия-в-мире.

Гумбрехт в своей книге «Производство присутствия: чего не может передать значение» подчёркивает момент вещественности в рамках бытия-в-мире: «Хайдеггер заменил субъектно-объектную парадигму новым понятием «бытия-в-мире», призванным, можно сказать, восстановить контакт между человеческим самоопределением и вещественным миром» [3, 56]. Однако философия постструктурализма и постмодернизма, в целом, элиминирует материальность мира, а понятие *смысла* под влиянием структурализма и семиотики подменяется другим словом – *значением*. Именно на уровне значения ведётся теперь львиная доля философской работы, имя ей – толкование (интерпретация). Гумбрехт сетует на то, что среди философов вера в возможность иной, чем через

значение, референции в мире стала синонимом крайней интеллектуальной наивности, а использование в своём философствовании таких терминов, как *субстанция, реальность, Бытие* – свидетельством безвкусыя и дурного тона [3, 62].

Однако сам Гумбрехт осмеливается в своей книге «запачкать руки» и «твёрдо выступить против склонности современной культуры оставлять и даже забывать всякую возможность отношения к миру, основанного на присутствии» [3, 11]. Гумбрехт не претендует на фундаментальность своей философии, скорее, он хочет наметить путь исследования «негерменевтической территории». На этом пути центральным понятием становится понятие *присутствия*. «Словом «присутствие» [presence] обозначается (по крайней мере, по большей части) не временное, но пространственное отношение к миру и его предметам. Предполагается, что до чего-то «присутствующего» можно дотронуться рукой, откуда вытекает, что оно, в свою очередь, может оказывать непосредственное воздействие на человеческое тело» [3, 10].

Теперь рассмотрим, как понятие присутствия касается исследуемой нами проблемы смысла, рождающегося в коммуникации. В современных дискурсах коммуникация осуществляет производство значения, и это производство является настолько принципиальной составляющей коммуникации, что часто они отождествляются. Однако мы считаем, что производство значения является лишь одной из составляющих коммуникации, что можно обнаружить другой, более важный её аспект, а именно – производство присутствия. И тогда то, что представлялось только формой, факторами, условиями коммуникации, становится содержанием и её центральным событием, а то, что казалось содержанием и ядром (производство значения), выступает лишь в качестве формы коммуникации. В таком случае смысл, рождающийся в ходе коммуникации, будет связан уже не с уровнем значения, а с присутствием, приоткрывающим завесу над горизонтом новых бытийных возможностей.

Анализируя понятие присутствия, вводимое Гумбрехтом, мы не можем обойти вниманием некоторую сложность. Гумбрехт говорит, что «для нас явления присутствия «всегда случаются как «эффекты присутствия», так как они неизбежно окружены, окутаны, можно даже сказать, опосредованы облаками и подушками значения» [3, 110]. Это происходит потому, что наше восприятие мира всегда уже «почато» интерпретацией (в смысле Деррида). В «мир значения», равно как и на путь понимания, человек вступает фактически с рождения, усваивая язык, заучивая правила поведения, типичные ситуации и т. д. Представляется, что самым существенным здесь оказывается постижение поведения и мотивов других людей, приобретение способности различать за поверхностью скрытую глубину, за поведением человека – его мотивы. С этого момента маховик интерпретации окончательно устанавливает свою бесперебойную работу, всё оказывается пронизанным ею. Следовательно, присутствие вынуждено каждый раз буквально пробиваться сквозь эшелоны значения, но тем ярче и ценнее становится каждая его эпифания.

Гумбрехт отмечает, что «присутствие и значение всегда появляются вместе и всегда *находятся в конфликте* (курсив наш. – В.Р.). Невозможно сделать их взаимно совместимыми или объединить в рамках какой-то одной «сбалансированной феноменальной структуры» [3, 109]. Присутствие как бы вступает в схватку со значением, то и дело «прорывая» его «оборону» и озаряя собой мир. И в таком случае именно присутствие оказывается обладающим большей значимостью, важностью для кого-то, чем то, что мы называем здесь уровнем значения, который оказывается не более чем фоном, необходимым для проявления присутствия, как тьма для света. Присутствие становится чем-то, что потрясает человека, оставляет в нём след, заставляет измениться – именно присутствие рождает смысл.

В связи с этим вспомним рассуждение Г.-Г. Гадамера о подлинном разговоре как встрече.

«Разговором для нас было нечто такое, что потом оставило в нас какой-то след. Разговор не потому стал разговором, что мы узнали что-то новое... Разговор способен преобразовать человека», – пишет Гадамер [2, 87]. Главный представитель философской герменевтики чутко уловил, что именно разговор (диалог), отношение с Другим содержит в себе потенциал преобразования, именно в ходе разговора перед человеком могут открыться новые горизонты его бытия. И возможным это становится не потому, что мы в ходе разговора узнаём что-то новое, напротив, уровень передачи информации здесь не так важен и отброшен на второй план. В отличие от акта коммуникации как голой передачи информации, разговор содержит компонент присутствия. Разговор, как правило, ведётся с использованием слов, и информация неизбежно циркулирует между его участниками. Но в рамках разговора эта циркуляция не является главным и единственным его содержанием, а, наоборот, выступает скорее как сцена, на которой присутствие может явить себя. Именно в разговоре возникает колебание между присутствием и значением, что является важным условием рождения смысла.

Таким образом, смысл, понятый как возможность бытия (Хайдеггер), открывающаяся в акте конкретной коммуникации так, что собеседники изменяются в ходе разговора (Гадамер), помимо значения, передаваемого, как правило, при помощи слов, предполагает наличие экстраинтерпретативных компонентов.

Даже если признать, что язык является структурой, способной самостоятельно породить новые значения, того же самого никоим образом нельзя сказать о смыслах. Разрастание уровня значения, умножение практик, приумножающих значение, увеличение количества коммуникантов и коммуникаций не ведёт механически к усилению смыслопорождения [7]. *Уровень значения может увеличиваться и разрастаться, но это не ведёт автоматически к возрастанию смыслов.* Напротив, чрезмерное умножение значений может вести, скорее, к сокращению

количества смыслов, ибо есть опасность, что каждый будет выстраивать свою жизнь исключительно вдоль линий значения, что делает эпифании присутствия всё более редкими, а опыт – всё менее аутентичным.

Гумбрехт даёт нам представление о возможности прорыва сквозь мир значений, и мы полагаем, что подобные прорывы не только существуют, но и представляют собой самую суть смысловой реальности. Смысл не только не является близким (тем более, тождественным) значению, но оказывается, скорее, противоположным, противоречащим ему, ибо он рождается в тот момент, когда цепь значений прорывается. В момент такого прорыва за внешней «неотличимостью», мы прозреваем: «Мир изменился». Меняется здесь не какая-то частность или отдельный фрагмент, но весь мир целиком, и это изменение – и есть рождение смысла.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
3. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999.
5. Деррида Жак. Грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
6. Дьяков А.В. Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления». СПб.: Изд-во С.-Петербурга, 2008. 357 с.
7. Сериков А.Е. Конечность событийных смыслов как основа модели социальной реальности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология». 2006. № 1(4).
8. Фалев Е.В. Герменевтика Мартина Хайдеггера. СПб.: Алетейя, 2008. 224 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 451 с.

УДК 13

Хуторной С.Н.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

КИБЕРПРОСТРАНСТВО И РЕАЛЬНЫЙ МИР

S. Khutornoy

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

CYBERSPACE AND VIRTUAL REALITY

Аннотация. В статье анализируются понятия «виртуальная реальность» и «киберпространство»; прослеживаются причины и время возникновения данных явлений в развитии человеческой цивилизации. Показано, что Интернет является глобальным информационным пространством, объединяющим все существующие телекоммуникационные и информационные сети. Дается краткий обзор работ российских учёных в изучении интернет-пространства. Рассматривается соотношение киберпространства и реального мира. Анализируется разница между виртуальным чувственным образом и реальным.

Ключевые слова: киберпространство, виртуальная реальность, чувственный образ виртуальной реальности.

Abstract. The article deals with the analysis of the concepts of «virtual reality» and «cyberspace»; the reasons and time of occurrence of the given phenomena in the development of human civilization have been traced. It has been shown that the Internet is the global information field uniting all existing telecommunication and information networks. A brief review of Russian scientists' works studying the Internet is presented. The parity of cyberspace and the real world is considered. The difference between virtual sensual and real images is analyzed.

Key words: a cyberspace, a virtual reality, a sensual image of virtual reality.

© Хуторной С.Н., 2011